

С.А. СЕРГЕЕВ

ЭТНОФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Рец. на кн.: Фарукшин М.Х. Этничность и федерализм. – Казань: Центр инновационных технологий, 2013. – 348 с.

Новая книга профессора Казанского (Приволжского) федерального университета М.Х. Фарукшина посвящена взаимосвязи этничности и федерализма. Взаимосвязь эта наиболее ярко проявляется в феноменах этнофедерации и этнофедерализма. Под этнофедерацией обычно понимается такая федерация, в которой один, несколько или все субъекты организованы по этнотерриториальному принципу, т.е. границы субъекта федерации совпадают с границами ареала проживания той или иной этнической группы. Этнофедерализм – это совокупность идей, обосновывающих целесообразность подобной организации государства [Фарукшин, 2013, с. 28–29]. Работа основана на сравнительном анализе опыта таких этнофедераций, как Бельгия, Индия, Канада, Швейцария и Россия.

Отношение к этническим федерациям, отмечает М.Х. Фарукшин, как в российской, так и в зарубежной политической науке весьма противоречиво. Этнофедерации нестабильны, поощряют сепаратизм и ведут к разрушению государственности – не бездоказательно утверждают одни авторы [Филиппов, 2003; Roeder, 2009, р. 214]. Другие обращают внимание на роль этнофедераций в защите интересов этнических меньшинств [Karmis, Norman, 2005, р. 13]. Более того, ссылаясь на примеры Индии и Швейцарии, некоторые политологи утверждают, что этнофедерализм помогает сохранить целостность многонациональных государств, уменьшает

конфликты и сохраняет мир [Hale, 2004, p. 166]. Взвешивая аргументы обеих сторон, М.Х. Фарукшин склоняется ко второму мнению – о скорее положительном значении этнофедераций. Судьбы СССР, Чехословакии и Югославии, распавшихся этнофедераций, не свидетельствуют о разрушительности этнофедеративного принципа, так как эти страны не были подлинными федерациями и функционировали в условиях тоталитарных режимов. Вместе с тем этнофедерализм, конечно, не идеальное явление, и наряду с положительными его сторонами следует учитывать и связанные с ним риски, делает вывод М.Х. Фарукшин.

Следующий круг проблем, рассматриваемых в монографии, – это политическое представительство этнических групп и статус языков этнических меньшинств в этнофедерациях. Представительство различных групп (социальных, профессиональных, этнических и др.) в принимающих решения органах государственной власти – одна из политических проблем, трудно поддающихся практическому решению. При этом если группа не имеет политического представительства, ее интересы вряд ли будут учтены. В разных странах используются различные способы обеспечения политического представительства этнических групп. Один из них – выделение квот и резервирование депутатских мандатов для представителей меньшинств (надо сказать, что здесь М.Х. Фарукшин несколько расширил рамки своей работы, проанализировав, как обеспечивается представительство этнических меньшинств в странах Восточной Европы, не являющихся федерациями). В этнофедерациях представительство меньшинств в государственных органах закреплено либо законодательно, либо неписаными правилами. Хотя в России практически не используются специальные способы обеспечения этнического представительства (создание региональных партий, право вето меньшинства, квотирование представительства этнических групп в федеральных органах власти), в Государственной думе представлены этнические меньшинства и сейчас, хотя это и не оговорено никакими нормами. М.Х. Фарукшин обращает внимание и на следующую опасность: сверхпредставительство титульных этнонаций в органах власти республик в составе Российской Федерации. Это явление было характерным еще для советского времени, но историческая «традиция» не должна оправдывать «дисбаланс в этническом представи-

тельстве в настоящее время», – справедливо замечает автор [Фарукшин, 2013, с. 159].

Глава, посвященная этнолингвистическим проблемам и называемая «Статус языков этнических меньшинств в этнофедерациях», особенно актуальна для читателей в тех республиках Российской Федерации, где в последние годы обозначился этнолингвистический конфликт: русскоговорящая часть населения выступает против сокращения часов русского языка в учебных планах средних общеобразовательных школ [Сергеев, 2011]. Проанализировав опыт различных этнофедераций, М.Х. Фарукшин констатирует, что единого решения этнолингвистических противоречий (связанных главным образом с языком обучения) не существует. В одних государствах (например, в Бельгии) проводится принцип территориального монолингвизма (одна территория – один язык), хотя франкоязычный ребенок, живущий во Фландрии, имеет право получить образование не на фламандском, а на французском языке (но для этого он должен посещать школу за пределами региона постоянного проживания). В других государствах территориального монолингвизма, видимо, нет. Более того, М. Фарукшин отмечает, что в некоторых случаях нормативные акты в защиту языков меньшинств, принимаемые субъектами федерации (например, Хартия французского языка, принятая властями Квебека), противоречат конституционному законодательству федерации и нарушают права человека [Фарукшин, 2013, с. 193–194]. К сожалению, в монографии не рассмотрен подробно вопрос о статусе таких региональных языков, которые мало распространены за пределами данного региона, в частности региональных языков в Индии. Как известно, кроме английского и хинди, являющихся общегосударственными, еще 18 языков в Индии имеют статус региональных, т.е. являются официальными языками в этнолингвистических штатах. Подобная этнолингвистическая ситуация, вероятно, дает хорошую возможность для сравнения с ситуацией в республиках в составе Российской Федерации. В частности, было бы интересно узнать, обязан ли ребенок, для которого родной язык хинди и который проживает в одном из этнолингвистических штатов, изучать региональный язык, принятый в данном штате, допустим, телугу или малаялам.

Коль скоро этнофедерация является формой объединения этнически разнородного сообщества, значение приобретает пробле-

ма сочетания этнической и гражданской идентичностей. Вопрос об их сочетании в этнофедерациях стоит порой достаточно остро. М. Фарукшин на многочисленных примерах показывает, что эти идентичности могут не противоречить друг другу, а вполне гармонично сочетаться. В частности, как немецкоговорящие, так и франкоговорящие граждане Швейцарии идентифицируют себя прежде всего со швейцарской нацией; 43,2% жителей Валлонии – одновременно с Валлонией и Бельгией, и даже 28,1% квебекцев идентифицируют себя как квебекцы и канадцы [Фарукшин, 2013, с. 265, 273, 276]. Важным индикатором гражданской идентичности является наличие гордости за свою страну. Примечательно, что, несмотря на значительные религиозные и этнические различия в Индии, сепаратизм ряда штатов, около 70% граждан Индии на вопрос: «Горды ли Вы тем, что являетесь индийцем?» – ответили: «Очень горды». Аналогичный ответ, согласно А. Степану, дали около 80% граждан США и около 60% – Канады [Stepan, 2008, р. 18]. Таким образом, делает вывод автор, чувство принадлежности к той или иной этнической группе, в том числе этническому меньшинству, вполне совместимо с патриотическим чувством принадлежности к данному государству. Вместе с тем автор, как представляется, преувеличивает значение объективных оснований идентичности. Те ценности, которыми люди дорожат и в которые верят, не перестают от этого быть субъективными, и этническая идентичность субъективна не в меньшей мере, чем идентичность политическая, гражданская или религиозная.

Последняя глава книги посвящена этническим конфликтам в этнофедерациях: причинам возникновения конфликтов (в том числе этнонационализму) и способам их урегулирования. Проблема, стоявшая здесь перед автором, была весьма нелегкой, ибо литература по этнополитическим конфликтам чрезвычайно обширна. Интересным и важным представляется различие между конфликтами, в которые вовлечены этнонации *en masse*, и конфликтами, возникающими на бытовой почве между отдельными представителями этнических групп. Последние характеризуются не как этнические конфликты, но как конфликты, имеющие этническую мотивацию. М.Х. Фарукшин исходит из того, что существование этнических групп само по себе не вызывает конфликты; главной причиной конфликтов становится неудовлетворенность интересов этнических групп, экономическое и политическое неравенство

между ними. Говоря о способах урегулирования этнополитических конфликтов, М. Фарукшин возражает против распространенного мнения, что одной из предпосылок этих конфликтов является территориальная концентрация этнических меньшинств. Наоборот, доказывает он, если меньшинство проживает дисперсно или если территория его проживания не совпадает с административными границами, повышается вероятность межэтнических трений и конфликтов. Примером тому служит Югославия: сначала Тито провел административные границы между республиками таким образом, чтобы они не совпадали с ареалом проживания различных этнических групп (часть сербов жила в Хорватии, и наоборот), а после него попытки провести государственные границы в соответствии с этническими привели к кровавым конфликтам [Калхун, 2006, с. 131].

Соответственно, важнейшими механизмами урегулирования этнополитических конфликтов М. Фарукшин называет такую демаркацию границ субъектов федерации, которая позволила бы тому или иному этническому меньшинству стать в этом субъекте большинством, а также соблюдение принципа субсидиарности: те полномочия и предметы ведения, которые эффективно могут осуществлять сами субъекты федерации, – оставить им, а те, что субъекты федерации самостоятельно осуществлять не могут, закрепить за федеральным центром [Фарукшин, 2013, с. 333–334].

Работа М.Х. Фарукшина «Этничность и федерализм» носит в какой-то мере итоговый характер, логически завершая цикл работ по федерализму, которому автор посвятил около 20 лет. Она, несомненно, окажется полезной политологам, международникам, юристам, практическим политикам и администраторам, всем, кто интересуется теоретическими и прикладными аспектами этничности и федерализма.

Литература

- Калхун К. Национализм. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 288 с.
- Сергеев С.А. Республика Татарстан в марте – апреле 2011. – 2011. – Режим доступа: http://monitoring.carnegie.ru/2011/05/tatarstan/sergeev-3_4-2011 (Дата посещения: 10.11.2013.)

- Фарукишин М.Х.* Этничность и федерализм. – Казань: Центр инновационных технологий, 2013. – 348 с.
- Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. – М., 2003. – 379 с.
- Hale H.E.* Divided we stand: Institutional sources of ethnofederal state survival and collapse // *World policy*. – N.Y., 2004. – Vol. 56, N 2. – P. 165–193.
- Karmis D., Norman W.* Revival of federalism in normative political theory / *Theories of federalism: A reader*. – N.Y., 2005. – P. 1–30.
- Roeder Ph. G.* Ethnofederalism and the mismanagement of conflicting nationalisms // *Regional and federal studies*. – Abingdon, 2009. – Vol. 19, N 2. – P. 203–219.
- Stepan A.* Comparative theory and political practice: Do we need in «State-Nation» model as well as a «Nation-State» model? // *Government and opposition*. – Cambridge, 2008. – Vol. 43, N 1. – P. 1–25.